

Т. В. Рабуш

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ В СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКОМ ПРОТИВОБОРСТВЕ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ (1970–1980-е годы)

Автор рассматривает эволюцию идеологической составляющей в советско-американском противоборстве в региональных вооруженных конфликтах в заключительные 20 лет холодной войны. Автор доказывает, что идеологическая концепция США в отношении глобального противостояния сверхдержав в региональных вооруженных конфликтах оставалась неизменной на протяжении всего избранного для исследования периода, в то время как комплекс идеологических воззрений СССР по данному вопросу до и после 1985 г. можно разделить на две принципиально различные по содержанию части. Библиогр. 19 назв.

Ключевые слова: региональные вооруженные конфликты, холодная война, идеология, советско-американские отношения, «третий мир».

T. V. Rabush

EVOLUTION OF THE IDEOLOGICAL COMPONENT IN SOVIET-AMERICAN CONFRONTATION IN REGIONAL ARMED CONFLICT (1970–1980s)

In this article the author examines the evolution of the ideological component in the Soviet-American confrontation through regional armed conflicts in the final 20 years of the 'Cold War'. The author argues that the United States' ideological concept on a global confrontation between the superpowers in regional armed conflicts remained essentially unchanged throughout the period chosen for the study, while complex ideological views of the Soviet Union on the subject can be divided into two fundamentally different approaches in content before and after 1985. Refs 19.

Keywords: regional armed conflicts, the Cold War, ideology, Soviet-American relations, Third World.

Общеизвестно, что холодная война характеризовалась непрямым, но подчас принимающим весьма жесткие формы противоборством двух сверхдержав (США и СССР) и двух противостоящих друг другу социально-политических систем. Это противоборство затрагивало практически все сферы — экономическую, политическую, дипломатическую, военную, культурную и, конечно же, идеологическую¹. США по всему земному шару активно защищали интересы демократии (подчас своеобразно понимаемой), а СССР, в свою очередь, действовал в соответствии с концепцией всемирного распространения социализма.

Рабуш Таисия Владимировна — кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 18; taisarabush@mail.ru

Rabush Taisiya V. — PhD, Associate Professor, St Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 18, Bol'shaia Morskaya str., St Petersburg, 191186, Russian Federation; taisarabush@mail.ru

¹ Говоря о роли идеологии во внешней политике США и СССР указанного периода, под идеологией мы будем понимать совокупность взглядов, лежащих в основе политической системы государства (применительно как к США, так и к СССР).

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

Испытание в СССР атомной бомбы, а также достижение к концу 1960-х годов военно-стратегического паритета между СССР и США сделало глобальный вооруженный конфликт между двумя сверхдержавами и двумя мировыми социально-политическими системами если и не невозможным, то во всяком случае крайне нежелательным. Не в последнюю очередь вследствие этого военное противостояние СССР и США с разной степенью интенсивности проявлялось в многочисленных региональных и локальных вооруженных конфликтах — как правило, в форме непрямого участия обеих сверхдержав в вооруженном конфликте, реализуемого посредством всесторонней поддержки одной из противоборствующих сторон. Два заметных исключения — Вьетнам и Афганистан, так как в каждом из этих случаев одна из сверхдержав сочла возможным осуществить не только косвенное, но и непосредственное вооруженное вмешательство².

Разумеется, вовлечение сверхдержав в региональные и локальные вооруженные конфликты периода холодной войны на стороне одной из противоборствующих сил происходило не только вследствие стремления каждой из сторон «набрать очки» в глобальном противостоянии двух различных социально-политических систем. Такое вовлечение и в целом, и в каждом отдельно взятом случае (т. е. в каждом отдельно рассматриваемом вооруженном конфликте) диктовалось также и идеологическими мотивами, которыми руководствовались в своей внешнеполитической деятельности и СССР, и США.

В данной статье в самом ее названии как исследуемый период автором заявлены заключительные 20 лет холодной войны — примерно с 1970 г. и вплоть до конца 1980-х, т. е. практически до распада СССР и его исчезновения в качестве второй сверхдержавы. Этот период вмещает в себя и такое специфическое явление, как разрядка международной напряженности; и годы, которые называли вторым витком холодной войны (примерно 1979–1986 гг.); и потепление советско-американских отношений, вызванное не в последнюю очередь горбачевской политикой «нового мышления». В первой части статьи мы рассмотрим эволюцию идеологической составляющей в концепциях администрации США применительно к советско-американскому противоборству в региональных и локальных вооруженных конфликтах, а во второй части статьи соответственно будет рассмотрена эволюция идеологических воззрений СССР по аналогичному вопросу.

Тема идеологической составляющей в советско-американском противоборстве (и в целом, и в сфере региональных вооруженных конфликтов) исследована в гораздо меньшей степени, чем, к примеру, тема военного или экономического противостояния сверхдержав. Из отечественных исследователей, изучавших роль идеологии во внешней политике, хотелось бы прежде всего упомянуть работы Г. А. Трофименко [1], О. А. Алякринского, В. В. Согрина [2]; из собственно американских работ — труды М. Ханта. Также отметим, что роль идеологии во внешней политике США периода холодной войны изучена в целом лучше [3], чем роль идеологии во внешней политике СССР аналогичного периода.

Имя 37-го президента США Ричарда Никсона как у многих его современников, так и у представителей более позднего поколения прочно ассоциируется с явлением

² И по мнению как автора, так и ряда отечественных и зарубежных исследователей, ни в первом, ни во втором случае прямое военное вмешательство (СССР в Афганистане и США во Вьетнаме) не было в должной степени оправданным. Но это тема для отдельной статьи.

разрядки международной напряженности. Не вдаваясь в детали, тем не менее стоит отметить, что разрядка была следствием не только американских, но безусловно также и советских внешнеполитических усилий, и решение воплощать принципы разрядки в жизнь было вызвано в том числе достижением военно-стратегического паритета между СССР и США. Разрядка способствовала потеплению советско-американских отношений в самых разных сферах — начиная от понижения уровня военного противоборства и заканчивая интенсификацией научных и культурных обменов. Но несмотря на то, что в начале 1970-х годов уже было очевидно, что длительная война во Вьетнаме Соединенными Штатами Америки по сути проиграна, для США понятие разрядки отнюдь не распространилось на советско-американское соперничество в третьем мире³ и, соответственно, на межблоковое противостояние в сфере региональных вооруженных конфликтов. Достаточно вспомнить хотя бы о том, что провозглашенный уже в 1969 г. Р. Никсоном курс на «вьетнамизацию» вооруженного конфликта в Юго-Восточной Азии и последующее прекращение войны (так называемая доктрина Никсона, или же «гуамская доктрина») [4] на практике отнюдь не всегда реализовывались в соответствии с публичными обещаниями президента — так, именно в 1972 г. (т. е. уже после провозглашения «гуамской доктрины» и начала курса на ее реализацию) на Демократическую Республику Вьетнам и освобожденные районы Южного Вьетнама обрушились самые жестокие за все годы войны авиационные бомбардировки [5, с. 206]. Более того, в орбиту боевых действий оказалась втянутой ранее нейтральная Камбоджа [6, с. 25–26].

Справедливости ради надо отметить, что для СССР разрядка международной напряженности также отнюдь не обозначала ни сдачу завоеванных ранее позиций в третьем мире, ни паузу в процессе распространения социализма. Но более детально мы рассмотрим этот вопрос ниже, когда речь пойдет об эволюции идеологических воззрений СССР касательно советско-американского противоборства в региональных и локальных вооруженных конфликтах.

Политика следующего президента США, Д. Форда, в целом не отличалась какой-либо выразительностью, это касалось в том числе и идеологической составляющей в подходе США к противоборству сверхдержав в региональных вооруженных конфликтах. Но все же отметим, что в целом Д. Форд не отступал от генеральной линии своего предшественника Р. Никсона, для внешней политики которого разрядка международной напряженности отнюдь не являлась причиной для того, чтобы идти на идеологические уступки Советам как в отдельно взятых региональных вооруженных конфликтах, так и в третьем мире в целом.

Так, на вовлечение Советского Союза в 1975 г. во внутренний вооруженный конфликт (изначально это была гражданская война, переросшая в интернационализированный региональный вооруженный конфликт) в освободившейся от колониальной зависимости Анголе и на аналогичное советское вовлечение в 1977 г. в вооруженный конфликт между Эфиопией и Сомали (война за Огаден 1977–1978 гг.) на стороне Эфиопии США реагировали отнюдь не так болезненно и активно, как

³ Под третьим миром, если говорить непосредственно о периоде холодной войны, как правило, подразумеваются государства, не относящиеся непосредственно ни к первому миру (НАТО во главе с США), ни ко второму миру (Организация Варшавского договора во главе с СССР). Именно в третьем мире разворачивалось наиболее активное и острое советско-американское соперничество в самых разных сферах — от военно-стратегической до культурной.

несколькими годами позже отреагировали на советское военное вмешательство в афганские события. Тем не менее именно на примере сомалийско-эфиопского конфликта можно детально рассмотреть сам принцип влияния идеологии на советско-американское противоборство в региональных вооруженных конфликтах в третьем мире.

Остановимся на этом подробнее — с целью показать наглядный пример того, как в процессе советско-американского противоборства в региональных вооруженных конфликтах третьего мира идеология реализовывалась на практике. Как известно, Сомали в 1969 г. провозгласила себя государством социалистической ориентации, что было воспринято советским руководством с большим удовлетворением. В бедное государство Африканского Рога рекой потекла советская финансовая и военная помощь, сомалийские вооруженные силы пополнялись советскими военными советниками [7, с. 27–29]. Немногим позже, в 1974 г., в Эфиопии в результате военного государственного переворота была свергнута монархия, и Эфиопия также начала строительство социализма [8]. СССР не преминул воспользоваться случаем и начать оказание помощи (в том числе и военной) юной социалистической Эфиопии. Сомали и Эфиопия имели давний территориальный спор, основным предметом которого была провинция Огаден — часть Эфиопии, населенная преимущественно сомалийцами. В начавшейся в июле 1977 г. эфиопо-сомалийской войне за Огаден СССР встал на сторону Эфиопии и начал оказание военной помощи уже эфиопской армии, не оказав при этом поддержки правительству Сомали (вопреки ожиданиям последнего). Не получив советской поддержки, «социалистическое» государство Сомали мгновенно переориентировалось на США. 13 ноября 1977 г. правительство Сомали денонсировало советско-сомалийский договор о дружбе и сотрудничестве, а советским военным советникам было приказано в кратчайшие сроки покинуть Сомали. Отметим, что такие случаи идеологической переориентации государств третьего мира (от построения социализма к капитализму и наоборот) на протяжении всей холодной войны были не единичны.

Вернемся к эволюции идеологической составляющей в подходе США к советско-американскому противоборству в региональных вооруженных конфликтах. Как известно, ставший президентом США в 1977 г. Дж. Картер одним из краеугольных камней своей внешней политики провозгласил борьбу за «права человека» во всем мире [9]. Этот лозунг не был принципиально новым и вполне отвечал традиционной для американской идеологии апелляции к демократическим ценностям. Но стоит отметить, что в данном случае (как и у Р. Никсона с его «гуамской доктриной») теория шла вразрез с практикой — так, некоторые дружественные США политические режимы, поддержку которых США совершенно не намеревались прекращать, чрезмерно усердствовали в нарушении прав человека. Здесь можно вспомнить и режим А. Пиночета в Чили, и одиозный режим семейства Сомоса в Никарагуа (впрочем, свергнутый в 1979 г.), и шахский режим династии Пехлеви в Иране (зловещая шахская служба безопасности САВАК наводила ужас на многих иранцев). Регулярные публичные упоминания о необходимости защиты прав человека во всем мире совершенно не мешали Дж. Картеру в канун 1978 года⁴ в ходе

⁴ И буквально за считанные недели до Исламской революции в Иране, после которой Иран перестал быть для США «оплотом стабильности» в регионе.

своего визита в Тегеран публично называть шахский режим «островком стабильности в одном из наиболее беспокойных регионов мира» [10, с. 17].

Отметим, что в руководстве США в тот период на уровне Госдепартамента и Конгресса велась дискуссия о том, что демократическая администрация США на словах пытается способствовать продвижению демократии и защите прав человека, а на деле поддерживает авторитарные режимы, ответственные за массовые нарушения прав человека (упомянутые выше Никарагуа, Иран, Чили, также Сальвадор, Гондурас и т. д.). В правовом журнале «Commentary» была опубликована статья Дж. Киркпатрик «Диктатуры и двойные стандарты», благодаря которой Дж. Киркпатрик — на тот момент сотрудник Джорджтаунского университета — была приглашена на работу в предвыборный штаб кандидата в президенты от Республиканской партии Р. Рейгана, а после его избрания президентом США получила назначение на должность постоянного представителя США в ООН.

Сложно однозначно говорить об успехе или, напротив, о поражении картеровской концепции «защиты прав человека». Несомненно одно: эта концепция имела как сильные, так и слабые стороны. Но уже в 1980 г. идеи всемирной «борьбы за права человека» отошли на второй план в теории и практике внешней политики США. Представляется, что причиной этому прежде всего были два внешнеполитических события, значимых как для международной обстановки в целом, так и для межгосударственных отношений США и СССР. Первые события — это свержение в ходе Исламской революции шахского режима в Иране, последующее установление формы государственного правления по типу исламской республики и состоявшийся 4 ноября 1979 г. захват в заложники персонала посольства США в Иране фанатично настроенными иранскими студентами. Вследствие этих событий США не только потеряли значимый военно-стратегический плацдарм на Среднем Востоке, но и были подвергнуты публичному унижению на международном уровне⁵. Второе событие — это военное вмешательство СССР во внутренний вооруженный конфликт в Афганистане, осуществленное в форме ввода в Афганистан Ограниченного контингента советских войск (ОКСВ). Эти события в значительной степени изменили расстановку военно-политических сил на Среднем Востоке и в Азии в целом. Вслед за этим вопрос «защиты прав человека» отходит в американской внешнеполитической риторике и политической практике на второй план. Доминантой в идеологических концепциях США становится новая (на самом деле, конечно же, старая и неоднократно апробированная ранее) тема «защиты национальных интересов США», несколько «ушедшая в тень» со времен поражения США во вьетнамской войне, а теперь снова выдвинутая на передний план. В ежегодном послании президента США Дж. Картера, прозвучавшем 23 января 1980 г. в его выступлении перед обеими палатами Конгресса США, была сформулирована концепция, получившая название «доктрина Картера». Официальный Вашингтон провозгласил, что «попытка любой силы получить контроль над Персидским заливом будет расцениваться как посягательство на жизненно важные интересы США и будет отражаться... всеми необходимыми средствами, включая военные... Мы... будем систематически увеличивать нашу способность быстро реагировать на чрезвычайные обстоятельства вне сферы НАТО везде, где того потребуют наши обязатель-

⁵ Захват и длительное удерживание дипломатического персонала в заложниках — действительно случай в мировой практике почти что беспрецедентный.

ства или когда под угрозой окажутся наши жизненные интересы... Наши силы будут готовы к быстрому разворачиванию в любом районе, имеющем стратегическое значение» [11].

Итак, два события — Исламская революция в Иране и ввод ограниченного контингента советских войск в Афганистан — послужили для США причиной сменить акценты в идеологической составляющей советско-американского противоборства в региональных вооруженных конфликтах и, отодвинув вопрос «защиты прав человека» на второй план, заговорить о защите национальных интересов (интересов США). Как видим, в начале 1980 г. зоной «национальных интересов» США был объявлен только регион Среднего и Ближнего Востока, но уже следующий президент США Р. Рейган в своей внешнеполитической доктрине значительно расширит территории, на которых необходимо осуществлять защиту национальных интересов США в глобальном советско-американском противоборстве.

Сороковой по счету президент США Р. Рейган с первых же дней своего нахождения в кресле главы государства взял линию на максимально жесткий курс в отношении СССР. При этом большое значение администрацией Р. Рейгана придавалось, во-первых, соперничеству США и СССР в стратегически важных регионах третьего мира и в региональных и локальных вооруженных конфликтах — и такое соперничество было не просто самоцелью, но рассматривалось как действенное средство «изматывания» СССР [12]. Во-вторых, советско-американское противоборство в конфликтных ситуациях в третьем мире подводилось рейгановской администрацией под солидную идеологическую базу. Поднятый предыдущей администрацией Дж. Картера вопрос о «правах человека» отнюдь не был забыт — скорее, был модифицирован в соответствии с учетом новых внешнеполитических вызовов. «Национальные интересы» США обнаруживались теперь не только на Ближнем и Среднем Востоке (как это было провозглашено в «доктрине Картера»), но в практически любой части земного шара, в которой происходило активное межблоковое противоборство — в том числе выраженное в форме локальных и региональных вооруженных конфликтов, интернационализированных вследствие вовлечения в них сверхдержав и прочих «третьих» государств.

Более того — *почти все повстанческие движения и иррегулярные воинские формирования, противостоящие в самых разных регионах мира либо напрямую СССР (самый яркий пример — Афганистан), либо поддерживаемым Советским Союзом политическим режимам социалистической ориентации (Никарагуа, Ангола, Кампучия и т. п.), были объявлены администрацией Р. Рейгана «борцами за свободу», поддержать которых словом и делом⁶ — долг каждого гражданина США [13]. Раскованное американское вмешательство в гражданские войны в Анголе и Никарагуа (на стороне сил, противостоящих местным режимам социалистической ориентации) [14], резкое увеличение количества и «качества» поддержки афганских моджахедов — это всё стало практическим воплощением нового идеологического*

⁶ Подробная инструкция о том, как поддерживать делом борцов «за свободу и против мрака тоталитаризма» во всем мире, содержится в президентской директиве NSDD-166, подписанной Р. Рейганом в марте 1985 г. В тексте директивы речь идет об афганских моджахедах, противостоящих в Афганистане Ограниченному контингенту советских войск, но принципы поддержки администрацией США подобных иррегулярных воинских формирований в целом были едины.

оформления внешней политики США применительно к межблоковому противоборству в региональных вооруженных конфликтах.

Впоследствии этот комплекс мероприятий, проводимый администрацией США при Р. Рейгане с целью поддержки сил, противостоящих СССР и режимам социалистической ориентации в региональных и локальных вооруженных конфликтах, получил наименование «доктрина Рейгана» (однако стоит отметить, что в отличие от тех же описываемых выше «гуамской доктрины» Р. Никсона или «доктрины Картера» «доктрина Рейгана» никогда не была оформлена в виде документа, программного выступления и т. п.). К тому же элементы этой доктрины прослеживаются во внешней политике США и в годы президентства Дж. Картера (так, США и ряд других государств начали оказывать поддержку афганским моджахедам уже в 1979 г., т. е. еще до ввода ОКСВ в Афганистан) [15, с. 83–87]; и даже ранее, в первой половине и середине 1970-х годов — к примеру, уже в середине 1970-х США оказывали военную помощь антиправительственным силам в Анголе, противостоящим поддерживаемому СССР ангольскому режиму социалистической ориентации [16].

Более подробно с идеологическими воззрениями Р. Рейгана можно ознакомиться в сборнике его выступлений «Откровенно говоря», изданном в нашей стране на излете перестройки, в 1990 г. [17]. А в этой статье мы приведем небольшую цитату из выступления Р. Рейгана, состоявшегося 1 марта 1985 г. на ежегодном обеде конференции Консервативного комитета политического действия. По мнению автора, в данной цитате в полной мере отражен подход президента США к поддержке противостоящих СССР или его союзникам повстанческих движений в региональных вооруженных конфликтах в третьем мире:

«Попытка Советов оправдать свою тиранию выражена в печально известной доктрине Брежнева, которая подразумевает, что, если страна попала во мрак коммунизма, ей уже никогда не будет позволено увидеть свет свободы. Мне кажется, что история уже начала отвергать эту доктрину... *Это происходит почти на всех обитаемых континентах — в горах Афганистана, в Кампучии, в Центральной Америке...* Борцы за свободу — наши братья, и мы должны оказать им помощь. ... Вы знаете, с кем они воюют и за что. И *их дух — это дух наших отцов-основателей...* Мы не можем отвернуть их, потому что идет борьба *не правого с левым, а за дело правое против неправого*» [17, с. 254–255].

Сменивший Р. Рейгана (после двух сроков президентства) на посту президента США Дж. Буш в целом не проявлял в отношении СССР такую крайнюю жесткость, как его предшественник. Но в глобальном плане внешнеполитическая стратегия США и тесно связанная с ней идеологическая линия (в том числе и касательно советско-американского противостояния в региональных вооруженных конфликтах) не претерпели коренных изменений при новом президенте. Как существенный новый момент можно отметить то, что в конце 1980-х годов было осуществлено политическое урегулирование ряда длительных региональных вооруженных конфликтов, бывших на протяжении многих лет камнем преткновения в деле нормализации советско-американских отношений. Но, по мнению автора, большая заслуга в этом процессе принадлежит не столько американской, сколько советской дипломатии. Для М. С. Горбачева вопрос нормализации советско-американских отношений представлялся делом первостепенной значимости, и в том числе поэтому во второй половине 1980-х годов советской дипломатией были направлены

большие усилия на урегулирование ряда региональных вооруженных конфликтов (Никарагуа, Ангола, Афганистан, Камбоджа).

Итак, мы видим, что во внешней политике США идеологические подходы в отношении региональных вооруженных конфликтов и советско-американского противоборства в этих конфликтах, по сути, оставались неизменными на протяжении всех заключительных 20 лет холодной войны. Так, разрядка международной напряженности для Р.Никсона и его администрации отнюдь не отменяла советско-американского противоборства в третьем мире (возможно, лишь сделала это противоборство менее острым и драматичным). Картеровская концепция «защиты прав человека» придала советско-американскому противостоянию в третьем мире в некотором роде новое звучание, но в целом вопрос о защите прав человека отнюдь не является чем-то принципиально новым в американской политической традиции. Что касается позиции администрации Р.Рейгана, то подход этого президента США к советско-американскому противоборству в региональных вооруженных конфликтах был несомненно жестче и прямолинейнее, чем у его предшественников, к тому же именно «доктрина Рейгана» получила самое яркое идеологическое обоснование⁷, но *сама суть сложившихся во внешней политике США подходов и идеологических концепций не изменялась.*

Если говорить об эволюции идеологической составляющей в отношении советско-американского противоборства в региональных вооруженных конфликтах в советской внешней политике в избранный нами период, то здесь можно проследить две совершенно различные линии, которые мы для удобства назовем по фамилиям двух генеральных секретарей: «линия Брежнева» (на Западе была широко известна как «доктрина Брежнева») и «линия Горбачева» (концентрированно выраженная в политике «нового мышления»). В 1970-е и в первой половине 1980-х годов ни разрядка международной напряженности, ни концепция «мирного сосуществования государств с различным общественным строем» для советского руководства не отменяли и даже не ослабляли остроты советско-американского соперничества в третьем мире [18].

Внешнеполитическая доктрина СССР, действовавшая на практике с конца 1960-х и примерно до середины 1980-х годов, в концентрированном виде получила название «доктрины Брежнева». Эта советская внешнеполитическая доктрина, глобальная цель которой заключалась в последовательном расширении сферы влияния социализма во всем мире, последовательно рассматривала практически любой региональный и локальный вооруженный конфликт как сферу противостояния и соперничества с США. Впрочем, были и исключения — так, СССР минимально вмешивался во внутренние события в странах Латинской Америки, что мы хорошо видим, например, в ходе анализа событий первой половины 1980-х годов в тех же охваченных гражданской войной Никарагуа и Сальвадоре [19]. Зато Азия и Африка становились практически бескрайним «полем для социальных экспериментов» и полигоном для интернационализированных при участии СССР и США (и нередко ряда других государств) региональных вооруженных конфликтов.

⁷ И снова автор рекомендует всем заинтересовавшимся этим вопросом обратиться к сборнику «Откровенно говоря», так как ограниченный формат статьи не позволяет процитировать все разнообразие эпитетов и высказываний Р.Рейгана касательно как политики США, так и политики СССР, очевидно, олицетворявшему для этого президента США «мрак тоталитаризма».

После смерти Л. И. Брежнева в 1982 г. два недолго управлявших страной его преемника — Ю. В. Андропов и К. У. Черненко — в теории и на практике продолжали внешнеполитическую линию своего предшественника. Но многое изменилось с избранием на пост Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева. Провозглашенная им во внешнеполитической сфере концепция «нового мышления» по сути отменила «доктрину Брежнева». Уже с 1987 г. региональные вооруженные конфликты в третьем мире рассматривались советским руководством не как полигон для «пробы сил» в глобальном противоборстве с США, а как камень преткновения на пути нормализации советско-американских отношений. Во второй половине 1980-х годов дипломатами США и СССР была проделана колоссальная работа по дипломатическому (а иногда и военному) урегулированию ряда «кровоточащих ран» третьего мира — здесь и Ангола, и Никарагуа, и Кампучия, и, конечно же, как важный шаг и успех советской дипломатии следует отметить поэтапное политическое урегулирование и последующий вывод ОКСВ из Афганистана. К сожалению, М. С. Горбачев и его сподвижники в процессе реализации концепции «нового политического мышления» допустили явные перегибы, и СССР в итоге не только принял деятельное участие в урегулировании ряда региональных вооруженных конфликтов, но и потерял свои внешнеполитические позиции практически во всех регионах мира, в том числе и в исторически значимых для СССР и России.

В заключение отметим основные выводы. Разрядка международной напряженности, благоприятно повлиявшая на международный климат в первой половине 1970-х годов, никак не повлияла ни на советский, ни на американский идеологический подход к межблоковому соперничеству в региональных и локальных вооруженных конфликтах в третьем мире. Обе стороны, *невзирая на все достижения разрядки, продолжали рассматривать региональные вооруженные конфликты как полигон для межблокового противостояния*. При этом для СССР доминантной была цель всемирного распространения социализма, для США — защита национальных интересов и распространение демократических ценностей.

Идеологические воззрения администрации США на советско-американское соперничество в региональных вооруженных конфликтах по сути *оставались неизменными на протяжении двух последних десятилетий холодной войны*. Ни разрядка международной напряженности, ни акцент администрации Дж. Картера на защите прав человека, ни жесткая линия Р. Рейгана, настойчиво и регулярно указывающего на «божественное предназначение» Америки, «безбожие» коммунизма и идеологии марксизма-ленинизма и на необходимость поддерживать «борцов за свободу» ввиду их идеологической близости к американским демократическим идеалам [17], в целом не затрагивали глубинной сути концепций США. А концепции эти, о чем шла речь выше, *были неизменны: защита национальных интересов США (подчас в крайне удаленных от США частях земного шара) и защита (или распространение) американских демократических ценностей*.

Что же до позиции СССР, то советский подход к роли идеологии в советско-американском противоборстве в региональных вооруженных конфликтах *был неизменен на протяжении 1970-х и первой половины 1980-х годов, выражаясь в так называемой доктрине Брежнева*. Идеологический подход М. С. Горбачева был *совершенно иным и в концентрированном виде выражался в концепции «нового политического мышления»*, согласно которой акцент в советско-американских отно-

шениях в частности и в международных отношениях в целом с вопросов расширения сферы влияния социализма смещался в плоскость неких «общечеловеческих ценностей». С одной стороны, благодаря новой концепции удалось урегулировать ряд региональных вооруженных конфликтов, что было, безусловно, прорывом и большим достижением советской внешней политики и дипломатии второй половины 1980-х годов. С другой стороны, увлекшись реализацией концепции «общечеловеческих ценностей» и придавая подчас чрезмерное значение примату этих ценностей перед государственными интересами, советское руководство в конце 1980-х — начале 1990-х годов утратило значимые для СССР позиции в большинстве регионов мира. В то время как внешнеполитические концепции США, согласно которым приоритет национальных государственных интересов над прочими неоспорим, остались неизменны.

Литература

1. Трофименко Г. А. США: политика, война, идеология. М.: Мысль, 1976. 359 с.
2. Согрин В. В. Идеология в американской истории от отцов-основателей до конца XX века. М.: Наука, 1995. 238 с.
3. Thompson K. Moral values and international politics // *Political Science Quarterly*. 1973. Vol. 88 (September), N 3. P. 370–379.
4. Гуамская доктрина. URL: <http://www.grinchevskiy.ru/1945-1990/guamskaya-doktrina.php> (дата обращения: 08.01.2017).
5. Белащенко Т. К. США: 200 лет — 200 войн. М.: Воениздат, 1976. 232 с.
6. Верхотуров Д. Н. Война по радиоперехвату. Очерки коммунистической войны в Камбодже. 2015 г. 153 с. URL: <http://www.verkhoturrov.info/documents> (дата обращения: 10.08.2016).
7. Коновалов И. П. Сомали: бесконечность войны. Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2013. 238 с.
8. Коровиков В. И. Эфиопия — годы революции. М.: Изд-во агентства печати «Новости», 1979. 152 с.
9. Schlesinger A. Human rights and the American tradition // *Foreign affairs*. 1978. America and the world. P. 503–526.
10. Агаев С. Л. Иран: между прошлым и будущим. События, люди, идеи. М.: Политиздат, 1987. 319 с.
11. Special // *Department of state bulletin*. 1980. Vol. 80, N 2035.
12. Швейцер П. Победа. Минск: СП Авест, 1995. 464 с.
13. Congressional records. 1984. Vol. 130, N 35.
14. Вудворт Б. Признание шефа разведки. М.: Политиздат, 1990. 479 с.
15. Спольников В. Н. Афганистан: исламская оппозиция. Истоки и цели. М.: Наука, 1990. 192 с.
16. Legvold R. The super rivals: conflicts in the third world // *Foreign affairs*. Spring 1979. P. 754–778.
17. Рейган Р. Откровенно говоря. Избранные речи. М.: Новости, 1990. 398 с.
18. Егоров В. Н. Мирное сосуществование и революционный процесс. М.: Международные отношения, 1971. 224 с.
19. Вопрос руководства компартии Сальвадора. Постановление Совета ЦК № 25-С-1458. Перевозка стрелкового оружия (60–70 т) из Ханоя в Гавану для компартии Сальвадора // Советский архив. Собран В. Буковским. URL: <http://bukovsky-archives.net/pdfs/terr-wd/ct225b80.pdf> (дата обращения: 07.01.2017).

Для цитирования: Рабуш Т. В. Эволюция идеологической составляющей в советско-американском противоборстве в региональных вооруженных конфликтах (1970–1980-е годы) // Вестник СПбГУ. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 10. Вып. 1. С. 75–85. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2017.108.

References

1. Trofimenko G.A. *SShA: Politika, voina, ideologiya: monografiia* [USA: politics, war, ideology: monograph]. Moscow, Mysl' Publ., 1976. 359 p. (In Russian)
2. Sogrin V.V. *Ideologiya v amerikanskoi istorii ot ottsov-osnovatelei do kontsa XX veka* [Ideology in American history from the Founding Fathers to the end of the XX century: monograph]. Moscow, Nauka Publ., 1995. 238 p. (In Russian)
3. Thompson K. Moral values and international politics. *Political Science Quarterly*, 1973, vol. 88 (September), no. 3. pp. 370–379.
4. *Guamskaia doktrina* [Guam doctrine]. Available at: <http://www.grinchevskiy.ru/1945-1990/guamskaya-doktrina.php> (accessed: 08.01.2017).
5. Belashchenko T.K. *SShA: 200 let — 200 voyn* [USA: 200 years — 200 wars]. Moscow, Voenizdat Publ., 1976. 232 p. (In Russian)
6. Verkhoturov D.N. *Voina po radioperekhvatu. Ocherki kommunisticheskoi voyny v Kambodzhe* [War on radio interception. Essays communist war in Cambodia], 2015, 153 p. Available at: <http://www.verkhov.info/documents> (accessed: 10.08.2016).
7. Konovalov I.P. *Somali: beskonechnost' voyny* [Somalia: Endless War]. Pushkino, Tsentr strategicheskoi kon'iunktury Publ., 2013. 238 p. (In Russian)
8. Korovikov V.I. *Efiopiia — gody revoliutsii* [Ethiopia — during the revolution]. Moscow, Izdatel'stvo agentstva pechati Novosti, 1979. 152 p. (In Russian)
9. Schlesinger A. Human rights and the American tradition. *Foreign affairs*, 1978, America and the world, pp. 503–526.
10. Agaev S.L. *Iran: mezhdru proshlym i budushchim. Sobytiia, liudi, idei* [Iran: between past and future. Events, people and ideas]. Moscow, Politizdat Publ., 1987. 319 p. (In Russian)
11. Special. *Department of state bulletin*, 1980, vol. 80, no. 2035.
12. Shveitser P. *Pobeda* [Victory]. Minsk, SP Avest Publ., 1995. 464 p. (In Russian)
13. *Congressional records*, 1984, vol. 130, no. 35.
14. Woodward B. *Priznanie shefa razvedki* [Veil]. Moscow, Politizdat Publ., 1990. 479 p. (In Russian)
15. Spol'nikov V.N. *Afganistan: islamskaia oppositsiia. Istoki i tseli* [Afghanistan: Islamic opposition. The origins and purpose]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 192 p. (In Russian)
16. Legvold R. The super rivals: conflicts in the third world. *Foreign affairs*, spring 1979, pp. 754–778.
17. Reagan R. *Otkrovenno govoria. Izbrannye rechi* [Frankly. Selected Speeches]. Moscow, Novosti Publ., 1990. 398 p. (In Russian)
18. Egorov V.N. *Mirnoe sosushchestvovanie i revoliutsionnyi protsess* [Peaceful coexistence and the revolutionary process]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1971. 224 p. (In Russian)
19. Vopros rukovodstva kompartii Sal'vadora. Postanovlenie Soveta TsK. № 25-S-1458. *Perevozka strelkovogo oruzhiia (60–70 t) iz Khanoia v Gavanu dlia kompartii Sal'vadora* [Question leadership of the Communist Party of El Salvador. The Central Committee of the Council Decision. Number 25-C-1458. Transportation of small arms from Hanoi to Havana for the Communist Party of El Salvador]. *Sovetskii arkhiv. Sobran V. Bukovskim* [The Soviet archives. Compiled V. Bukovsky]. Available at: <http://bukovsky-archives.net/pdfs/terr-wd/ct225b80.pdf> (accessed: 07.01.2017).

For citation: Rabush T.V. Evolution of the ideological component in Soviet-American confrontation in regional armed conflict (1970–1980s). *Vestnik SPbSU. Political science. International relations*, 2017, vol. 10, issue 1, pp. 75–85. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2017.108.

Статья поступила в редакцию 12 августа 2016 г.
Статья рекомендована в печать 25 января 2017 г.